УДК 821.161.1

С.А. Курило

ТЕМА АНГЛИЙСКОГО И РОССИЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В КНИГЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Рассматриваются понятия Запада и Востока как культурные концепты и связанная с ними колониальная проблематика книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», осмысленная в аспекте современной концепции постколониализма и ориентализма. Впервые исследуется русский (сибирский) материал колонизации, описанный в произведении. Показано, что Гончаров, сопоставляя русский (сибирский) и английский, и шире, европейский варианты колонизации, создает два собственных образа Востока: европейский колониальный и сибирский русский.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; «Фрегат “Паллада”»; Э. Саид; колониализм; постколониализм; ориентализм.

Одной из центральных тем книги И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» является тема колониализма.

Около 20 лет служа чиновником Департамента внешней торговли министерства финансов, Гончаров, прежде всего, по долгу службы наблюдал и осмыслял многие политические, социальные и экономические процессы, происходившие в России и мире. При этом он хорошо знал и западноевропейскую литературу, посвященную судьбе колонизированных народов (роман В. Гюго «Бюг Жаргаль», романы Ф. Купера о борьбе индейцев против американских колонизаторов, роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», роман Е. Сю «Атар-Гюль» и др.). Как справедливо утверждает Н.К. Пиксанов, именно во время кругосветной экспедиции фрегата «Паллада» «в продолжительном путешествии перед Гончаровым раскрылась та сторона международной жизни, какая была недоступна наблюдениям многих русских писателей – Тургенева, Достоевского, Толстого: картины колониального угнетения и мировой торговли» [1. С. 29]. Гончаров, еще до путешествия имевший возможность осмыслить современную ему колониальную проблематику, в течение путешествия лично наблюдал и осмысливал многие политические, экономические, социокультурные аспекты колонизаторской деятельности Великобритании, Голландии, Испании, Северо-Американских Соединенных Штатов и других европейских держав на Востоке, а также Российской империи в Сибири.

Актуальность исследования определяется обращением к современной теории постколониализма и ориентализма; в указанном контексте она обусловлена также и крайне скудным изучением темы колониализма во «Фрегате “Паллада”».

На сегодняшний день литературоведческие исследования, посвященные этой теме, немногочисленны: это работы Н.К. Пиксанова [1] и В.А. Михельсона [2], в которых указаны определенные особенности гончаровского отношения к колониальной тематике на материале «чужой» колонизации Африки и Азии. О.Г. Постнов в своей работе [3] рассматривает посвященные Сибири главы «Фрегата “Паллада”» с позиций эстетико-философских воззрений Гончарова и творчества писателя в целом. Внимание исследователя обращено к мыслям романиста о «своем», российском освоении сибирского региона, однако детально взаимодействие русских переселенцев с коренными сибирскими народами в статье не рассматривается. Исследователь приходит к выводу, что именно к концу кругосветного путешествия, в Сибири, писатель обнаруживает искомый им идеал человека, органично сочетающего в себе высокий героический «романтизм» и повседневный, деятельный «реализм». Как отмечает О.Г. Постнов, именно в сибиряках-переселенцах воплотился «идеал Гончарова <…> человек бескорыстного, творческого, духовного труда» [3. С. 53]. S.S. Lim и R.D. Clark в своей работе [4] исследуют гончаровские образы Востока (анализируя главным образом авторские представления о Японии, Китае, островах Рюкю и Корее). Сибирь же исследователи бегло рассматривают главным образом в связи с образом Японии, относя как Сибирь, так и Японию к собственно русскому Востоку. Указанные авторы также доказывают, что данные образы формируются у Гончарова в тесной и сложной связи с его представлением о Европе. Они также тщательно анализируют гончаровские представления об историческом прогрессе, развитии цивилизации, формирующемся новом мировом порядке и месте России в нем. Тем не менее в данной работе практически не затрагивается колониальная проблематика.

Поэтому цель данного исследования – целостно проанализировать и описать тематику российского и английского колониализма во «Фрегате “Паллада”». Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые рассмотрен колониальный материал «Фрегата “Паллада”» в аспекте современной концепции постколониализма и ориентализма, а также специально исследован российский вариант колонизации Сибири, описанный Гончаровым. Материалом для анализа послужили текст «Фрегат “Паллада”» и письма Гончарова о его путешествии, а также теоретические работы основателя современной теории постколониализма Э. Саида и современных исследователей литературоведческих, исторических, философских и культурологических аспектов колониализма и ориентализма.

В течение многих веков в основе контактов между Западом и Востоком, осуществлявшихся в форме путешествий, географических открытий, торговых отношений и войн, лежало строгое разграничение и противопоставление Запада и Востока. «Поиски но-

вых рынков сбыта и захват новых колоний привели к открытию Востока, что обусловило интерес науки к этому региону, в исследовании которого частногуманитарные методы (прежде всего филологический) сочетались с философско-теоретическими обобщениями» [5. С. 11]. Восток рассматривался европейцами с двух позиций: гуманистической, идеалы которой были заложены в эпоху Возрождения, и колониальной, в рамках которой Восток использовался западным миром как экономически выгодная материально-сырьевая база.

При этом, «Восток» и «Запад» – это только не географические регионы, но и культурные конструкты. Процесс познания Востока, изучение его культурных, языковых, ментальных и религиозных особенностей обозначаются востоковедами термином «ориентализм». Ориентализация Востока осуществлялась в логике бинарных оппозиций: подчеркивались различия между Востоком и Западом, противопоставлялись ментальности восточного человека и европейца.

Американский исследователь ориентализма и основатель постколониальной теории Э. Саид в своей работе [6] вводит термин «имагинативная география», который предполагает простейшее разделение пространства по принципу «мы» – «свое», «они» – «чужое». Такова древнейшая практика проведения географических различий. Соответственно, «их» территории и ментальность отличаются от «наших» и, таким образом, географические границы приравниваются к границам этническим, культурным и социальным.

Э. Саид для постижения чужого пространства предлагает новую категорию, позволяющую воспринимать новое пространство как уже известное: «Ситуации предстают уже ни как полностью новые, ни как абсолютно известные, появляется новая опосредующая категория – категория, позволяющая людям воспринимать новое (то, с чем они сталкиваются впервые) как версию известного прежде» [Там же. С. 93]. Тем самым далекое, новое, чужое и неизвестное пространство при определенных обстоятельствах приобретает статус знакомого и изведанного. Причем, по мнению Э. Саида, такой процесс «доместикации экзотического» абсолютно естествен, и он осуществляется между любыми культурами и их носителями. Поскольку человеческому сознанию свойственно сопротивление чуждому и незнакомому, все культуры подвергают воспринимаемые культуры определенным трансформациям, т.е. воспринимают их не такими, каковы они на самом деле, а такими, какими они должны являться с точки зрения воспринимающей культуры.

Как отмечают многие исследователи, например Г.Д. Гачев [7], А. Дима [8] и Э. Саид, представление образа «Другого» неизбежно отражает культуру того, кто создает этот образ. Таким образом, непременным условием существования и развития любой культуры является наличие чужой, конкурирующей культуры. Следовательно, конструирование собственной национальной и культурной идентичности «предполагает нахождение противоположного, «Другого», чья действительность является предметом постоянной интерпретации и переинтерпретации с точки зрения его отличия от “нас”» [6. С. 513]. При этом каждое общество в различные эпохи создает собственных «чужих», по-своему интерпретируя противопоставленные им культурные идентичности.

Несмотря на то что взаимообмен между европейцами и «другими» начался около пяти веков назад, одна идея остается неизменной: есть «мы», есть «они». К XIX в. именно эта идея стала отличительной чертой как культуры империализма, так и противостоящих Европе культур. По мысли Э. Саида, «это деление вполне устоялось, оно всем понятно, неопровержимо и самоочевидно» [9. С. 31]. XIX в. явился кульминацией имперской мощи Запада, что привело к приобретению и аккумулированию территорий и подвластного населения действительно впечатляющих масштабов. С начала XIX в. до конца Второй мировой войны основными державами, доминировавшими на Востоке и в сфере ориентализма как совокупных знаний о Востоке, являлись Британия и Франция. Британская империя, начавшая наращивать свою имперскую мощь еще в XVI в., к началу XIX в. стала безусловным мировым лидером.

При этом главной задачей Запада было привести Восток от враждебного состояния к смиренному сотрудничеству, и для западных империй восточные и африканские народы априори выступали не населением определенной географической области, а представителями подчиненной расы. В концепции ориентализма отсталость и неразвитость Востока, неравенство восточных рас перед западными предстают как нечто само собой разумеющееся и не подлежащее сомнению. В этой связи «<...> прежде всего он <человек. *С.К.*> – восточный, и лишь затем – человек <...>» [6. С. 159]. Для англичанина-писателя или британского колониального администратора равным образом Восток предстает территорией, на которой должна главенствовать Британская империя, и это бесспорный факт. В рамках колониального подхода «<...> англичане <...> рассматривали Восток как географическую – а также культурную, политическую, демографическую, социологическую и историческую – сущность, над судьбой которой, как они считали, они традиционно властны» [Там же. С. 341–342].

XIX в. стал кульминацией имперской идеологии не только у ведущих европейских держав, но и в Российской империи, что также привело к приобретению огромных территорий и многочисленного подвластного населения. С точки зрения Э. Саида, принципиальное различие между русским и европейским колониализмом заключается в том, что ведущие европейские колониальные державы колонизировали отдаленные территории, находящиеся далеко от их границ, на других континентах, за тысячи морских миль, в то время как Россия колонизировала исключительно соседние территории, «что вело к поступательному движению на восток и на юг» [9. С. 52]. При этом русский тип освоения континентального пространства характеризовался более тесными, рутинными, повседневными контактами с местным населением. Так, в первую очередь, из-за своих географических особенностей Российская империя существенно отличается

от классических империй (Британской, Французской, Голландской и т.д.), метрополии которых находились в Западной Европе.

По поводу российского колониализма и его специфики у исследователей нет единой точки зрения. Одни полностью уподобляют российский колониализм западноевропейскому (А. Халид [10], М. Тодорова [11], В. Доулер [12]), другие ратуют за его уникальность и полную противоположность колониализму европейскому (М. Бассин [13], А. Миллер [14], Э. Саид [6], П. Верт [15], В. Кивельсон [16]).

Нам наиболее близка позиция Н. Найта [17], относящаяся к «золотой середине»: исследователь предлагает достаточно осторожно говорить об определенных особенностях России в ее колониальной политики. С точки зрения Н. Найта, только приняв идею определенных особенностей России (в отличие от идеи ее уникальности или, наоборот, полного соотнесения с Европой), можно объяснить то, как русские выстраивали свои отношения с «другими». Вслед за русскими путешественниками (например, П.П. Семеновым Тянь-Шанским), Н. Найт позитивно воспринимал освоение Россией Востока, считая, что она несет восточным народам цивилизацию и порядок, причем делает это значительно лучше по сравнению с Англией и Францией: «Там, где западные державы преследовали свои имперские амбиции с кровожадным азартом, не позволяя никаким моральным соображениям вставать на пути их хищнических инстинктов, Россия несла миру более добрый, более мягкий империализм, руководствуясь интересами благополучия покоренных народов» [Там же. С. 331]. И если, как считает П. Верт, «”смешение” теперь считается атрибутом колониальной жизни, в особенности постколониального периода, то готовность русских имперских властей разрешать браки между людьми разных национальностей и поощрять усвоение местным населением русских традиций, так же как и участие представителей нерусских народов в важных аспектах имперского правления – распространении русской версии “ориентализма”, миссионерской деятельности и т.д.» [15. С. 62] – это как минимум свидетельствует об особом характере русского колониализма. Поскольку Российскому государству было жизненно необходимо военно-политическое освоение колонизуемых территорий, то, как отмечает В.С. Киселев, «гуманитарные и даже экономические стороны (извлечение прибыли) оказывались на втором плане, что демонстрировала, в частности, колониальная политика России на Кавказе и в Средней Азии» [18. С. 280].

При этом основной для русских имперских властей являлась «культуртрегерская установка: освоение имперской периферии мыслилось как приобщение новых земель к интеллектуальным и материальным благам европейской цивилизации» [18. С. 280]. Соответственно, русификация местного населения и изменение его национальной и культурной идентичности являлись обязательным условием для социального и культурного развития колонизуемых имперских окраин. Тем не менее некоторые исследователи (Т. Баррет [23], К. Клэй [24] и В. Сандерленд [25]), изучая сложную палитру взаимоотношений между русскими колонизаторами-поселенцами и местным населением, отмечают, что иногда в результате таких взаимоотношений русские отказывались от собственной национальной идентичности и усваивали идентичность местного населения. При этом В. Сандерленд в своих исследованиях, помимо исторических, этнографических и географических источников, ссылается также и на художественное произведение – «Фрегат “Паллада”» И.А. Гончарова.

Наряду с этим имел место и обратный процесс: нерусские народности вместе с принятием православия усваивали религиозную и культурную идентичность русского народа. В связи с этим П. Верт отмечает, что «некоторые нерусские народности <…> сочли православное христианство достаточно заманчивым с точки зрения возможности приобретения знаний, грамотности, овладения русским языком и тем самым вызвали значительные изменения религиозной самоидентификации и интеллектуального кругозора» [15. С. 65]. С принятием православия представители нерусских народностей положительно оценивали свои перспективы дальнейшего существования в рамках Российской империи. Исследователи S.S. Lim и R.D. Clark также отмечают, что православие – весьма гармоничная форма сглаживания противоречий между колонизаторами и туземцами в Сибири [4].

Саидовский постулат об опосредующей категории восприятия чужого пространства через призму своего, безусловно, актуален для «Фрегата «Паллада”». Наблюдая иные формы жизни и рефлексируя над чужими культурами, Гончаров в своих сравнениях и противопоставлениях ищет и формирует черты собственно русской идентичности, создавая при этом и Россию и ее собственный Восток – Русскую Сибирь: «<…> the Russian traveler’s encounters with various others – English, African, Japanese, Chinese, American, Ryukyu, Korean – ultimately lead to contemplation of the self: Goncharov’s Frigate Pallada highlights the extent to which a sense of Russian national identity is possible only when reflected and measured against these others. («Русский путешественник встречает других: англичан, африканцев, японцев, китайцев, американцев, корейцев, жителей островов Рюкю и это, в конце концов, приводит к размышлениям над собой. «Фрегат «Паллада”» И.А. Гончарова подчеркивает степень, в которой чувство русской национальной идентичности возможно только в том случае, если оно отражено и оценено с учётом вышеперечисленных других» (здесь и далее перевод мой. – *С.К.*) [4. С. 37].

Именно таков основной подход Гончарова во «Фрегате “Паллада”» – воспринимать чужое пространство через проекцию пространства своего, близкого и знакомого, это его авторское и человеческое видение мира: «Увижу новое, чужое и сейчас в уме прикину на свой аршин. Я ведь уж сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим» [19. Т. 1. С. 66–67]. Отсюда характерны частые сравнения чужих реалий с собственными. Например, чтобы передать читателю особенности традиционных нарядов португалок, Гончаров сравнивает их с русскими деревенскими женщинами: «Нам попадались всё рослые португальцы. Женщины, осо-

бенно старые, повязаны платками и в этом наряде – точь-в-точь наши деревенские бабы» [19. Т. 1. С. 95].

В подробном описании якутской юрты как бытовой детали чужого колонизуемого пространства подтверждается постоянное внимание автора к чужому быту и культуре на протяжении всего путешествия: «Я думал хуже о юртах, воображая их чем-то вроде звериных нор; а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющие стену, ставятся вертикально; притом она без клопов и тараканов, с двумя каминами; дым идет в крышу; лавки чистые» [Там же. Т. 2. С. 641].

Или достаточно пренебрежительное сравнение Национальной картинной галереи Лондона всего лишь с прихожей Санкт-Петербургского Эрмитажа: «<…> я <…> успел осмотреть <…> национальную картинную галерею, которая величиною будет с прихожую нашего Эрмитажа» [Там же. Т. 1. С. 42–43].

Наблюдая в Маниле сцену гуляния испанской публики на кальсадо, Гончаров вопрошает: «Где это я? Под Новинским или в Екатерингофе 1-го мая?» [Там же. Т. 2. С. 541]. Автор ссылается на знаменитые места в России, отведенные для народных гуляний на большие праздники в Москве (близ Новинского монастыря) и Петербурге (Екатерингоф – парковая зона на западной стороне Петербурга). Далее автор приходит к выводу, что Манила с ее знаменитым кальсадо – «это та же Москва, Петербург, Берлин, Париж и т.д.» [Там же].

И наиболее обобщенное и типичное сравнение «своего» и «чужого» делает автор в главе «Шанхай», сравнивая русскую и китайскую провинциальные народные ярмарки. «Мне показалось, что я вдруг очутился на каком-нибудь нашем московском толкучем рынке или на ярмарке губернского города, вдалеке от Петербурга, где еще не завелись ни широкие улицы, ни магазины; где в одном месте и торгуют, и готовят кушанье, где продают шелковый товар в лавочке, между кипящим огромным самоваром и кучей кренделей, где рядом помещаются лавка с фруктами и лавка с лаптями или хомутами. Разница в подробностях: у нас деготь и лыко – здесь шелк и чай; у нас груды деревянной и фаянсовой посуды здесь фарфор. Но китайская простонародная кухня обилием блюд, видом, вонью и затейливостью перещеголяла нашу <…> А вон пронесли двое покойника, не на плечах, как у нас, а на руках <…> Разносчики кричат, как и у нас» [Там же. С. 416–417].

Подобные гончаровские сравнения якутской юрты с русской избой, традиционной одежды русских и португальских женщин, а также русского и британского музеев, русских и европейских городов, китайской и русской ярмарки демонстрирует авторское восприятие чужого пространства через призму пространства своего.

В этой связи справедливо замечание Е.Г. Новиковой, что «центральная тема всего гончаровского кругосветного путешествия – экзотичность, “инаковость” описываемых им локусов и пространств» [20. С. 93]. Данная авторская установка на «другое», «чужое» воплотилась и в его восприятии и изображении Сибири. Для Гончарова Сибирь середины XIX в. – такая же колония Российской империи, как Сингапур и Гонконг для Британской империи. С точки зрения Е.Г. Новиковой, «Сибирь во «Фрегате “Паллада”» – это экзотический “чужой” мир, который России, по примеру других западных стран на Востоке, надлежит эффективно колонизовать и цивилизовать» [20. С. 98]. Соответственно, Сибирь в гончаровском произведении выступает восточным пространством, которое Россия успешно колонизует. При этом сам процесс колонизации Сибири Гончаров вписывает в общемировой контекст и сравнивает с английскими колониями: «Туда стекается народ: предметов потребления надобится всё больше и больше, обозы идут чаще из Иркутска на прииски и обратно – и формируется центр сильного народонаселения и деятельности. Та же история, что в Калифорнии, в Австралии» [19. Т. 2. С. 702].

Пространство Сибири видится Гончарову пустынным, скучным, глухим и унылым, автор часто использует такие эпитеты, как «унылый», «скучный», «пустынный», «глухой», «печальный» и т.д.: «Пустыни, пустыни и пустыни, девственные, если хотите, но скучные и унылые» [Там же. С. 642]. Авторский прием лексического повтора (троекратное повторение слова «пустыня») усиливает читательское впечатление об обширности и пустынности сибирского края. Сибирь видится Гончарову практически незаселенной: «Нигде ни признака жилья, ни встречи с кем-нибудь» [Там же. С. 641].

Вот как воспринимает Гончаров берега Татарского пролива, очевидно, как чужого и незнакомого пространства: «Что это за край; где мы? сам не знаю, да и никто не знает: кто тут бывал и кто пойдет в эту дичь и глушь? Кто тут живет? что за народ? Народов много, а не живет никто» [Там же. С. 625].

Пространство Сибири видится автору собственным русским Востоком, по его мысли, это все же Русь, хотя и сибирская Русь: «to Goncharov <…> desolate, uncultivated lands of Siberia are Russia’s own Orient» («Для Гончарова безлюдные, неосвоенные земли Сибири являются собственно русским Востоком») [4. С. 35]. Гончаров рисует в произведении также собственные перспективы русификации сибирского края: «Много и русского и нерусского, что со временем будет тоже русское» [19. Т. 2. С. 674].

У Гончарова как типичного представителя русской интеллигенции XIX в., разделявшего идеи господствовавшего тогда европоцентризма и культурного превосходства Запада над Востоком, похожее отношение к колонизованным туземцам как к нациям, находящимся на более низкой, чем европейцы, ступени развития. Так, в письме к Е.П. и Н.А. Майковым от 15 июля 1854 г. Гончаров соотносит колонизованных европейцами туземцев с южными растениями и оценивает их даже ниже, чем местную флору: «<…> эти бананы, пальмы да ананасы у себя дома, вся эта аристократия природы, и плебеи ее – негры, малайцы, индийцы» [21. С. 695].

Но при этом Гончаров со свойственным ему гуманизмом, наблюдая заключенных в английскую тюрьму и содержавшихся в невыносимых условиях представителей африканского племени бушменов, загнан-

ных, забитых людей, казавшихся ему «старичками, хотя им было не более как по тридцати лет», сочувственно восклицает: «И это мой брат, ближний!» [19. Т. 1. С. 206]. Несмотря на их неприглядную внешность, неблагозвучный язык и внешний вид, вызывающий зоологические ассоциации, Гончаров признает африканцев равными себе, называя их братьями, ближними: «Перед нами стояло существо, едва имевшее подобие человека, ростом с обезьяну. <…> Я давно слышал, что язык бушменов весь состоит из смеси гортанных звуков с прищелкиванием языка и потому недоступен для письменного выражения. <…> Совершенно звериный способ объясняться! “И это мой брат, ближний!” – думал я, болезненно наблюдая это какое-то недосозданное, жалкое существо» [Там же]. Данное эмоциональное, полное душевной боли восклицание ярко свидетельствует о гуманизме Гончарова, осуждающего господствующую в европейских колониях идею безусловного превосходства европейских колонизаторов над туземцами. Гуманизм Гончарова выражен также и в его искреннем желании хоть чем-нибудь помочь арестантам, хоть как-то облегчить их пребывание в жестких условиях тюремного режима: «Я спросил, можно ли, как это у нас водится, дать денег арестантам, но мне отвечали, что это строго запрещено» [Там же. С. 207]. Так, к большому сожалению автора, английский колониальный режим не приемлет русские традиции гуманизма и сострадания к страждущим. Над английским же гуманизмом, в свою очередь, Гончаров едко иронизирует, описывая эпизод «гуманного» изменения формы наказания для плененного кафрского вождя Сейоло: «Он взят в плен в нынешнюю войну. Его следовало повесить, но губернатор смягчил приговор, заменив смертную казнь заключением» [Там же. С. 239]. Как уже говорилось выше, условия содержания туземных арестантов в тюрьме видятся автору невыносимыми, поэтому изменение смертной казни на более гуманное, с точки зрения английской колониальной администрации, тюремное заключение представляется Гончарову весьма сомнительным.

Гончаров считает «дикими» и колонизуемые русскими народы Сибири. В русской Сибири автор также помещает коренное население в одну плоскость с животными и насекомыми, тем самым выражая собственное отношение к их низкому уровню цивилизации: «Тут <…> дикари всех родов, звери, начиная от черных и белых медведей до клопов и блох включительно» [Там же. Т. 2. С. 633].

В гончаровском интересе к проблемам прогресса и цивилизации одновременно прослеживается и поиск новых форм взаимодействия Запада и Востока. В этой связи, «Goncharov’s travelogue <…> can be read as an account of how Europe and Asia (and to a lesser extent also Africa) meet and intersect in the context of the growth of industrialization, colonial expansion, overseas trade, and nationalist visions» («Травелог Гончарова прочитывается в качестве доклада о том, как Европа и Азия (а также Африка в меньшей степени) встречаются и пересекаются в контексте индустриального роста, колониальной экспансии, внешней торговли и националистических воззрений» [4. С. 21]. Что же касается отношения Гончарова к западной цивилизации, то «<…> во «Фрегате “Паллада”» она <цивилизация. – *С.К.*> предстает напористой, агрессивной, порой наглой, но, тем не менее, неизбежной и неотвратимой и, в конечном счете, полезной» [22. С. 96]. Кроме того, Гончаров реалистично и объективно изображает как приобщение Востока к цивилизации, так и попытки остаться от нее в стороне. С его точки зрения, в цивилизаторской практике западного колониализма наряду с негативными, есть и положительные аспекты: его описания Мадеры, Капской колонии, Гонконга, Сингапура; поэтому, по мнению автора, попытки искусственно отгородиться от цивилизации (например, Япония) ведут к отставанию народа в культурном и материальном развитии.

Гончаров, безусловно, был просветителем и сторонником прогресса и цивилизации, он понимал ценность «чужого» и активно изучал чужие нравы и обычаи. Он искренне желал странам Востока преодоления закрытости, знакомства с мировой цивилизацией, развития, индустриализации, но не по английскому типу, по которому человек постепенно превращается в бездушную машину.

Примечательно, что с цивилизацией у Гончарова из всех упоминаемых в книге колонизаторских наций (голландцы, испанцы, немцы, русские) ассоциируются именно англичане: «Успеху англичан, или, лучше сказать, успеху цивилизации» [19. Т. 1. С. 167]. Так, при описании Капской колонии автор делает заключение о господстве в ней английской нации: «Нужно ли говорить, кто хозяева в колонии? конечно, европейцы, и из европейцев, конечно, англичане» [Там же. С. 158]. Для усиления восприятия роли англичан как ведущей колонизаторской нации в мире Гончаров использует свой излюбленный художественный прием – лексический повтор: «Я <...> проехал сквозь ряд португальцев и англичан – на Мадере и островах Зеленого Мыса; голландцев, негров, готтентотов и опять англичан – на мысе Доброй Надежды; малайцев, индусов и ... англичан – в Малайском архипелаге и Китае» [Там же. С. 14]. Сначала Гончаров просто называет англичан, во второй раз делает экспрессивный акцент на наречии «опять», а в третий раз использует многоточие для усиления общего впечатления.

Так, ключевыми носителями «западной», европейской цивилизации предстают прежде всего англичане. Автор приводит пример деятельности англичан и американцев в Китае: китайцы за опиум «<...> отдают свои чай, шелк, металлы, лекарственные, красильные вещества, пот, кровь, энергию, ум, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берут все это и обращают в деньги <...>» [Там же. Т. 2. С. 472]. Показателен прием перечисления, использованный автором для описания этого неравноценного обмена: от англичан китайский народ получает только опиум, который противопоставлен целому ряду действительно ценных товаров, получаемых англичанами. Характерно также, что начинается данный предметный ряд перечислением материальных вещей, далее следуют нематериальные понятия (энергия, ум) и заканчивается этот ряд обобщающим существительным «жизнь», которую, по сути, англичане отнимают у китайцев. В целом в

данном описании Гончаров моделирует английскую ментальность, для которой, с его точки зрения, торговля равнозначна жизни. При описании Лондона Гончаров отмечает: «Торговля видна, а жизни нет: или вы должны заключить, что здесь торговля есть жизнь, как оно и есть в самом деле» [19. Т. 1. С. 48].

В главе «Русские в Японии» следующим образом описывается английский образ жизни и действия: «Выйти без спросу на берег, и когда станут не пускать, начать драку, самим же пожаловаться на оскорбление и начать войну» [18. Т. 2. С. 431]. В связи с этим нельзя не согласиться с точкой зрения В.А. Михельсона, что «Фрегат “Паллада”» – это «страстный вызов русской передовой мысли английскому, французскому и американскому колониализму <...>» [2. С. 10].

В свою очередь, в указанной главе участники русской экспедиции демонстрируют совершенно иное отношение к японцам, к традиционной японской культуре. Они воспринимают оригинальную японскую цивилизацию как самостоятельную нравственную и эстетическую ценность. Такой характер восприятия культуры Японии художественно выражается в предельно детализированном, подробном описании порядков, обычаев, нравов, одежды, причесок, пищи и т. д. Например, описание японских обычаев: «Вскрывать себе брюхо – самый употребительный здесь способ умирать поневоле <...> Заупрямься кто сделать это, правительство принимает этот труд на себя; но тогда виновный кроме позора публичной казни подвергается лишению имения, и это падает на его семейство» [19. Т. 2. С. 317]. Или описание одежды высших чиновников прибывшей на фрегат японской делегации: «<...> кофты у них из тонкой, полупрозрачной черной материи, у некоторых вытканы белые знаки на спинах и рукавах – это гербы. Каждый, даже земледелец, имеет герб и право носить его на своей кофте. Но некоторые получают от своих начальников и вообще от высших лиц право носить их гербы, а высшие сановники – от сиогуна, как у нас ордена. Но не все имеют право носить по две сабли за поясом: эта честь предоставлена только высшему классу и офицерам; солдаты носят по одной, а простой класс вовсе не носит; да он же ходит голый, так ему не за что было бы и прицепить ее, разве зимой» [Там же].

В свою очередь, процесс русской колонизации Сибири Гончаров описывает как более гуманный, мягкий и органичный по сравнению с английской и, шире, западноевропейской колонизацией Африки и Азии. В этом отношении показателен описанный Гончаровым и действительно существовавший в XIX в. законодательно закрепленный запрет продажи спиртных напитков представителям коренных сибирских народов: «А вина нет нигде на расстоянии тысячи двухсот верст <…> в этом молодом крае, где все меры и действия правительства клонятся к тому, чтобы с огромным русским семейством слить горсть иноплеменных детей <…> здесь вино погубило бы эту горсть, как оно погубило диких в Америке» [Там же. С. 685].

Данная особенность русской колонизации Сибири проявляется у Гончарова в описаниях сибирских героев его произведения. Например, русский колонизатор Егор Петрович Бушков работает на колонизуемого якута и живет с ним в одной юрте, при этом русские дети Егора Петровича по-русски не говорят, а владеют только якутским языком. «Другую станцию, Ичугей-Муранскую, вез меня Егор Петрович Бушков, мещанин, имеющий четыре лошади и нанимающийся ямщиком у подрядчика, якута. Он и живет с последним в одной юрте; тут и жена его, и дети. Из дверей выглянула его дочь, лет одиннадцати, хорошенькая девочка, совершенно русская. “Как тебя зовут?” – спросил я. “Матреной, – сказал отец. – Она не говорит по-русски”, – прибавил он. “Мать у нее якутка?” <…> “Нет, русская; а мы жили всё с якутами, так вот дети по-русски и не говорят”. Ох, еще сильна у нас страсть к иностранному: не по-французски, не по-английски, так хоть по-якутски пусть дети говорят! Отчего Егор Петрович Бушков живет на Ичугей-Муранской станции, отчего нанимается у якута и живет с ним в юрте – это его тайны, к которым я ключа не нашел» [19. Т. 2. С. 658–659]. Так, в истории персонажа гончаровского произведения Егора Петровича Бушкова с его семьей подтверждается идея гармоничного сосуществования и смешения русской культуры с культурами колонизуемых народов.

Соответственно, из этой позиции русских по отношению к туземному населению вырастает и принципиально иной тип колонизации: способность русской культуры не доминировать, а мирно сосуществовать и смешиваться с культурой колонизуемых народов. Выражалась такая позиция и в практике поощрения смешанных браков между русскими колонизаторами и туземцами. «Если западноевропейские ориенталисты заведомо считали людей Востока “органически” интеллектуально ограниченными в сравнении с европейцами, а политика западноевропейских империй не предполагала возможности и тем более желательности смешения населения, то русские востоковеды не считали “азиатов” менее одаренными, и не только не видели ничего дурного в смешанных браках, но воспринимали такое этническое смешение как неотъемлемую часть процесса формирования русской нации» [14. С. 396].

Так, Гончаров в очерк о Капской колонии включает рассказ о встрече с русским солдатом, попавшим в плен во время войны с Наполеоном и, по воле обстоятельств, оказавшимся в Африке. Он женился на африканке, в их браке родилось шесть детей. Гончаров не случайно повествует об этой семье, которую создали уроженка южной Африки и уроженец Орловской губернии; далее же автор приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о национальном и социальном неравенстве между европейскими колонизаторами и туземным населением в Африке. Так, например, Гончаров описывает расовую дискриминацию в церкви: «Мы вошли в церковь черных. Проще ничего быть не может: деревянная, довольно большая зала, без всяких украшений, с хорами. Вдоль от алтаря до выхода в два ряда стояли скамьи грубой работы. Впереди, ближе к алтарю, было поставлено поперек церкви несколько скамеек получше. “А это для кого?” – спросил я. “Это для белых, которые бы вздумали прийти сюда”. – “Зачем это отличие в церкви? –

заметил я" [19. Т. 1. С. 221]. Помимо различных мест внутри самой церкви, для африканцев и европейцев существуют отдельные церкви, и это вопреки базовой установке христианства о равенстве всех верующих перед Богом. В этом описании Гончаров с помощью одного глагола сумел выразить всю идею расового неравенства на Африканском континенте: глагол «вздуматься», означающий «неожиданно захотеться, прийти на ум» [26. С. 80] точно выражает смысл того, что автор стремится донести до читателя: европейцы практически не появляются в церквях для африканцев, а если какой-нибудь европеец посетит ее, то это, в изображении Гончарова, станет исключительным, из ряда вон выходящим событием.

Показателен также эпизод с описанием африканского отеля, которым владеют англичане. Гончаров с восхищением описывает архитектурные особенности английского отеля, делая особый акцент на лестнице как детали архитектуры: «Мы вошли в чистые, круглые, освещенные сверху сени с прекрасной деревянной лестницей и выходом прямо на дворик, с балконом. Двери направо в гостиную и налево в столовую были отворены настежь, с полуоткрытыми жалюзи и окнами. Везде сумрак и прохлада» [19. Т. 1. С. 136]. Тем не менее при ближайшем рассмотрении «прекрасная лестница» наделяется более глубоким символическим содержанием, она одновременно оказывается и лестницей расового и социального неравенства: на нижних ступеньках размещены «черные» туземцы, на верхних – «белые» колонизаторы. «У подъезда, на нижней ступеньке, встретил нас совсем черный слуга; потом слуга малаец, не совсем черный, но и не белый, с красным платком на голове; в сенях – служанка, англичанка, побелее; далее, на лестнице, – девушка лет 20, красавица, положительно белая, и, наконец, – старуха, хозяйка, nec plus ultra белая, то есть седая» [Там же. С. 135]. Такая иронически представленная автором градация цветовой гаммы от черного к белому отражает всю сущность социального неравенства между туземцами Африки и европейскими колонизаторами, характерную для африканского континента середины XIX в.

В сибирских главах, напротив, Гончаров отмечает социальное, экономическое и даже культурное равенство русского и коренного населения в Сибири, подтвержденное многочисленными сценами совместного проживания, работы, досуга русских, якутов, тунгусов и других коренных сибирских народов. Многие исследователи отмечают, что особенностью русской колонизации большинства новых территорий, в отличие от европейской, является непротивопоставление русского и коренного населения, «поскольку нерусское население во многих частях империи расселялось среди русских и юридически не отличалось от них ни с точки зрения социального статуса, ни в отношении привилегий или обязанностей, то специфический "имперский", или "колониальный" характер государственного владычества является здесь не вполне очевидным <...>» [15. С. 49].

В этом отношении показательна приведенная в главе «Обратный путь через Сибирь» сцена совместной работы русского и туземца, демонстрирующая образец равноправного взаимодействия колонизатора и представителя колонизуемого народа: «Я пробрался как-то сквозь чащу и увидел двух человек, сидевших верхом на обоих концах толстого бревна, которое понадобилось для какой-то починки на наших судах. Один высокого роста, красивый, с покойным, бесстрастным лицом: это из наших. Другой невысокий, смуглый, с волосами, похожими, и цветом и густотой, на медвежью шерсть, почти с плоским лицом и с выражением на нем стоического равнодушия: это – из туземцев. Наш пригласил его, вероятно, вместе заняться делом. Русский делал вырубку на бревне, а туземец сидел на другом конце, чтоб оно не шевелилось, и курил трубку. Щепки и осколки, как дождь, летели ему в лицо и в голову: он мигал мерно и ровно, не торопясь, всякий раз, когда горсть щепок попадала в глаза, и не думал отворотить головы, также не заботился вынимать осколков, которые попадали в медвежью шерсть и там оставались. Русский рубил сильно и глубоко вонзал топор в дерево. При всяком ударе у него отзывалось что-то в груди. Он кончил и передал топор туземцу, а тот передал ему трубку. Русский закурил и сел верхом на конец, а туземец стал рубить. Щепки и осколки полетели в глаза казаку; он, в свою очередь, стал мигать» [19. Т. 2. С. 627].

Приглашение к совместной работе, а не односторонняя эксплуатация, обмен топором и трубкой после рубки бревна свидетельствуют о совершенно уникальной (в противоположность европейскому колониализму) черте русского колониализма: о способности относиться к туземному населению как к равному. На наш взгляд, авторский выбор именно данных предметов символичен: топор является орудием труда, трубка ассоциируется с отдыхом. В художественном мире Гончарова вещи играют важную роль, ему свойственно создавать яркий художественный образ с помощью вещественной детали (например, халат Обломова, бакенбарды Захара, локти Агафьи Матвеевны и др.). Представляется, что в этом описании содержатся также аллюзии на историю колонизации североамериканских индейцев (с которой Гончаров, несомненно, был знаком), относящиеся к таким концептам, как «топор войны» и «трубка мира». Русские колонизаторы используют топор не для военных нужд, но для совместного труда, а после него выкуривают «трубку мира».

Размышляя во время путешествия о мировой жизни, Гончаров приходит к важному выводу: «хозяин исторической сцены – капиталист» [1. С. 29]. Этот вывод воплотился в ярком и самобытном образе английского купца-колонизатора, который «становится символом международной торговли, промышленности, колониальной политики» [Там же. С. 31], встречаемого Гончаровым во всех английских колониях, начиная с Африки и заканчивая Азией. Образ английской колонии и британского купца-колонизатора лейтмотивом проходит через всю сюжетную канву «Фрегата "Паллада"». «The sense that he is setting out to a world created, owned, and maintained, essentially, by England is evident in the images of Englishmen that persistently dot the Goncharov's landscape» («Чувство, что он отправляется в мир, фактически созданный,

хранимый и управляемый Англией, очевидно в образах англичан, которые постоянно встречаются Гончарову в его путешествии») [4. С. 25]. Соответственно, путешествие Гончарова, по сути, является «путешествием русского в мир англичан», и автор, будучи образованным путешественником и чиновником Министерства иностранных дел, объективно отмечает сложившееся к середине XIX в. положение вещей – безусловное мировое превосходство Британской державы. Сам фрегат «Паллада», мощное судно, в ореоле былой славы, но постепенно дряхлеющее и разваливающееся, является символом существующего мирового порядка того времени и положения России в нем, конкурирующей с Британской империей за главенствующее положение в мире.

В своем письме к А.С. Норову от 20 сентября / 2 октября 1853 г. Гончаров описывает азиатские колонии Британии следующим образом: «Сингапур и Гонконг <...> – два новые и живые создания силы воли и энергии англичан. Везде памятники неимоверных усилий, гигантских работ, везде цивилизация, торговля и комфорт, особенно торговля. <...> в Сингапуре 40 тыс. китайцев и 20 тыс. индийцев и малайцев говорят по-английски, торгуют английским товарами, покупают и продают на английскую монету. <...> и над всем этим носится холодное, покойное и разумное могущество английского духа. Англичан всего четыреста человек там, но они господа, а 60 тыс. их покорнейшие слуги <…>» [21. С. 682]. Англичане используют разные способы колонизации туземцев: религиозное просвещение, торговля, покорение силой оружия, приобщение аборигенов к роскоши и комфорту. При этом английские колонизаторы, используя два главных инструмента колонизации: религию и материальные ценности – стремятся покорить туземцев и переделать их по своему образу и подобию.

В образе английского купца-колонизатора нет героизма, величественности, физической силы: «<…> И какой это образ! Не блистающий красотою, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках. Но образ этот властвует в мире над умами и страстями. Он всюду: я видел его в Англии – на улице, за прилавком магазина, в законодательной палате, на бирже. <…> тот же образ; холодным и строгим взглядом следил он, как толпы смуглых жителей юга добывали, обливаясь потом, драгоценный сок своей почвы, как катили бочки к берегу и усылали вдаль, получая за это от повелителей право есть хлеб своей земли. <…> Я видел его на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чаю, взглядом и словом, на своем родном языке, повелевающего народами, кораблями, пушками, двигающего необъятными естественными силами природы <…> Везде и всюду этот образ английского купца носится над стихиями, над трудом человека, торжествует над природой!» [19. Т. 1. С. 15]. Гончаров организует описание этого образа антитезами и параллелями: тепло и ласково синее небо Мадеры, но холодно и повелительно глядят синие глаза англичан; отсутствие героизма, силы и огня в образе купца компенсируется спокойствием, обыденностью и вездесущностью «знакомых образов»; голубые волны и яркие краски зелени на Мадере контрастируют с черным платьем колонизаторов. Глаголы, использованные в описании образа колонизатора-господина: властвовать, повелевать, двигать естественными силами природы, носиться над стихиями, торжествовать над природой.

В этом контексте Гончаров неоднократно противопоставляет сибирских и английских колонизаторов. Например, английским колонистам, в отличие от русских, свойственно тщеславие: «<Русские. – *С.К.*> купцы отправляются в ноябре и возвращаются в апреле. Им сопутствуют иногда жены – и все переносят: ездят верхом, спят если не в поварнях, так под открытым небом, и живут по многим месяцам в пустынных, глухих уголках, и не рассказывают об этом, не тщеславятся. А американец или англичанин какой-нибудь съездит, с толпой слуг, дикарей, с ружьями, с палаткой, куда-нибудь в горы, убьет медведя – и весь свет знает и кричит о нем!» [19. Т. 2. С. 697]. Характерно и различие центральных образов в гончаровском описании английских и русских колоний. Если в английских владениях ключевой фигурой выступает купец-колонизатор, то в русских – это священник-миссионер.

Английские миссионеры, в свою очередь, не спешат обращать в христианскую веру туземцев, выступающих «их покорнейшими слугами, в ожидании чести сделаться братьями по Христу и по человечеству» [21. С. 682]. Помимо этого, английские священники ради собственной выгоды пренебрегают христианскими нормами морали и нравственности и подстрекают туземцев к войнам: «<...> в Кафрарии <...> миссионеры <...> действовали не совсем добросовестно; они возбуждали и кафров, и готтентотов к восстанию, имея в виду образовать из них один народ и обеспечить над ним свое господство» [19. Т. 1. С. 164]. В описаниях Гончарова церковь в колонии активно поддерживается военной силой и, как правило, соседствует с военными казармами или боевыми кораблями: «У самого подножия горы лежат домов до сорока английской постройки; между ними видны две церкви, протестантская и католическая. У адмиралтейства английский солдат стоит на часах, в заливе качается английская же эскадра» [Там же. С. 127]. В главе «Шанхай» Гончаров показывает, что европейским миссионерам и их семьям свойственно совершенно не христианское стремление к роскоши: «<...> одну леди, кажется жену пастора, несли четыре китайца в железных креслах, поставленных на двух бамбуковых жердях» [Там же. Т. 2. С. 423]. С точки зрения автора и его православных убеждений, очевидно, что и сами миссионеры и члены их семей должны подавать обращаемым в христианство туземцам наглядный пример скромности, бескорыстия, трудолюбия, самопожертвования и других христианских ценностей, но европейские миссионеры на деле, по Гончарову, весьма далеки от проповедуемых ими убеждений.

В свою очередь, русские миссионеры в суровом сибирском климате совершают далекие разъезды по селениям якутов, тунгусов и других народов для их обращения в христианскую веру, ночуя под открытым небом на снегу в трескучие сибирские морозы. И их тяжелый труд приносит свои плоды. Гончаров описывает якутов следующим образом: «Все они христиане,

у всех медные кресты; все молятся <...> всюду здесь водружен крест благодаря стараниям Иннокентия и его предшественников» [19. Т. 2. С. 652]. Писатель в период своего пребывания в Сибири также наблюдал и описывал, что большинство других коренных сибирских народностей обращены в православие, они усердно молятся и носят православные кресты.

В этой связи, как верно отмечают S.S. Lim и R.D. Clark, именно духовные ценности русского православия, с точки зрения Гончарова, обусловливают более гуманный и гармоничный тип русской колонизации Сибири: «<…> in contrast to the British entrepreneur and the Chinese coolie, Siberia represents a colonial model in which the relationship between colonizer-settler and native laborer is perhaps less cynical, more organic: the difference separating one from the other not as stark, softened, in Goncharov's view, by Russian Orhodox values» («<…> по сравнению с британским дельцом и китайским кули Сибирь представляет колониальную модель, в которой отношения между колонизатором-поселенцем и туземным рабочим, возможно, менее циничные и более органичные. Различие между первым и вторым не столь резкое, смягчённое, с точки зрения Гончарова, ценностями русского православия») [4. С. 36].

Классическим колонизаторским методам англичан Гончаров противопоставляет в сибирских главах способы колонизации этого «печально пустынного и сурового края» русскими просветителями и землепроходцами – безвестными героями, участниками и двигателями исторического процесса приобщения Сибири к просвещению и цивилизации. «И когда совсем готовый, населенный и просвещенный край, некогда темный, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание <…>» [19. Т. 2. С. 678]. В то же время перед русскими колонизаторами Сибири стоит гораздо более трудная задача, нежели перед европейскими, из-за сурового климата, огромных расстояний, территориальной удаленности от европейской России. Гончаров размышляет, что «<…> создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом» [Там же].

В противоположность холодному и повелительному обращению английских колонизаторов с туземцами, русские колонизаторы в Сибири обращаются с коренным населением душевно и ласково, проявляя о них заботу, с точки зрения Гончарова. Каждый из проживающих в описываемом автором сибирском поселении Аян сохраняет свою культуру, свой традиционный бытовой уклад, что выражается в типах жилищ, присущих каждой социокультурной группе: русские чиновники помещаются в домах, казаки – в палатках, якуты – в юртах. Здесь же Гончаров подробно описывает традиционные якутские и тунгусские костюмы, которые носят туземцы. Колонизуемые якуты занимаются работой, предоставленной им русскими, и живут, по наблюдениям Гончарова, в достатке: «Теперь же пока это скромный, маленький уголок России, в десяти тысячах пятистах верстах от Петербурга, с двумястами жителей, состоящих, кроме командира порта и некоторых служащих при конторе лиц с семействами, из нижних чинов, командированных сюда на службу казаков и, наконец, якутов. Чиновники компании помещаются в домах, казаки в палатках, а якуты в юртах. Казаки исправляют здесь военную службу, а якуты статскую. Первые содержат караул и смотрят за благочинием; одного из них называют даже полицеймейстером; а вторые занимаются перевозкой пассажиров и клади, летом на лошадях, а зимой на собаках. Якуты все оседлые и христиане, все одеты чисто и, сообразно климату, хорошо. <…> От русских у них есть всегда работа, следовательно, они сыты, и притом, я видел, с ними обращаются ласково» [19. Т. 2. С. 633]. В английских же колониях Гончаров описывает крайнюю бедность большинства туземцев и презрительно-повелительное обращение с ними господ-колонизаторов.

Гончаров также отмечает, что русские колонизаторы, в том числе из высших сословий, в отличие от европейцев, стремятся говорить с сибирскими туземцами на их родном языке, в то время как в английских колониях, в описании автора, наоборот, коренное население стремится говорить по-английски, носить английское платье и постепенно приобщаться к английскому образу жизни. В этой связи, как верно отмечает американский историк В. Кивельсон, в Сибири «местных жителей поощряли продолжать жить в соответствии со своими традициями, держать землю и разрешать споры согласно обычаю <…>» [16. С. 261].

Соответственно, сравнив и сопоставив в процессе своего кругосветного путешествия европейский и русский варианты колонизации, Гончаров дает высокую положительную оценку русскому колониализму. В письме к Е.П. и Н.А. Майковым от 13 января 1855 г. он рассказывает о своей статье о Якутске, в которой «фактами подтверждаю <…> мысль о том, как Россия подвластным ей народам открывает обширное поприще деятельности и разумного приложения сил» [21. С. 712].

Таким образом, Гончаров во «Фрегате "Паллада"» описывает русский колониализм в Сибири как уникальный, противопоставляя его английскому и, шире, европейскому. Автор принципиально соотносит позицию английских колонизаторов по отношению к туземцам Африки и Азии и поведение русских в Сибири. Будучи приверженцем прогресса, автор отмечает появление многочисленных благ цивилизации в английских колониях: мосты, дороги, города. Тем не менее Гончаров-гуманист не может не осуждать эксплуатацию англичанами туземного населения, продажу китайцам опиума ради наживы и других негативных проявлений английского колониализма. Наблюдая же русских колонизаторов в Сибири, Гончаров подчеркивает гуманное, как это ему представляется, обращение с коренным населением, тунгусами, якутами и др.

По мысли писателя, гуманное отношение русских к сибирским туземцам формирует принципиально иной тип колонизации: это не имперское доминирование русской культуры по английскому типу, но мирное сосуществование и диалог с культурами колонизуемых народов. В основе этих наблюдений лежало представление о том, что русские колонизаторы обладают чрезвычайной терпимостью и уживчивостью по отношению

к инородцам. Русские колонисты, в противоположность европейским, не несут в себе подавляющего чувства культурного превосходства при контактах с коренным населением, находящимся на более низкой ступени социального, экономического и культурного развития.

Как уже было указано, основополагающий пункт концепции Э. Саида – это создание в западной научной и литературной традиции определенного образа Востока. Гончаров точно так же создает два собственных образа Востока: европейский колониальный и сибирский русский, собственные их репрезентации. И если европейский колониальный Восток описан у Гончарова в значительной степени негативно, то русский Восток в Сибири – идиллически положителен. Таким, образом, во «Фрегате “Паллада”» Гончаров описывает и сопоставляет принципиально различные по своей природе, с его точки зрения, русский и европейский варианты колонизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пиксанов Н.К. Гончаров и колониализм // Материалы юбилейной гончаровской конференции. Ульяновск, 1963. С. 23–53.
2. Михельсон В.А. Гуманизм И.А. Гончарова и колониальный вопрос. Краснодар : [б. и.], 1965. 282 с.
3. Постнов О.Г. Сибирские главы «Фрегата “Паллада”»: (К проблеме положительного героя в творчестве И.А. Гончарова) // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1988. № 10, вып. 2. С. 50–55.
4. Lim S.S., Clark R.D. Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East // The Slavic and East European Journal. (SPRING 2009). Vol. 53, № 1. P. 19–39.
5. Проблема «Запад–Восток» в культурологии: взаимодействие художественных культур / М.С. Каган, Е.Г. Хилтухина. М. : Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 160 с.
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 640 с.
7. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М. : Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1995. 480 с.
8. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977. 229 с.
9. Саид Э.В. Культура и империализм. СПб. : Владимир Даль, 2012. 736 с.
10. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 311–323.
11. Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 345–359.
12. Dowler W. Classroom and Empire: The politics of Russia’s Eastern Nationalities, 1860–1917. Toronto, 2001. P. 27–28, 66–68.
13. Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологической конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 277–310.
14. Миллер А. Российская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье // Ab Imperio. 2003. № 3. С. 393–406.
15. Верт П. «От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 48–82.
16. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России в XVII в. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
17. Найт Н. О русском ориентализме: Ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 324–344.
18. Киселев В.С. «Русская Австралия»: маргинализация колониальных окраин в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Чехов и время. Томск, 2011. С. 280–294.
19. Гончаров И.А. Фрегат «Паллад». Очерки путешествия в двух томах // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем. СПб. : Наука, 1997.
20. Новикова Е.Г. Образ Сибири в «очерках путешествия» Гончарова «Фрегат “Паллада”» // Гончаров и время. Томск, 2014. С. 89–98.
21. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. 881 с.
22. Сапченко Л.А. Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова и материалы карамзинского «Вестника Европы» // И.А. Гончаров : матер. Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск : Обл. тип. «Печатный двор», 1998. С. 91–97.
23. Barret T.M. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // Slavic Review. 1995. Vol. 54, № 3. P. 593–595.
24. Clay C.B. Ethnography and Mission: Imperial Russia and Muslim Turkic Peoples on the Caspian Frontier in the 1850s // Turkish Studies Association Bulletin. 1994. Vol. 18, № 2. P. 36.
25. Сандерленд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое издательство, 2005. С. 199–227.
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : А Темп, 2006. 944 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 апреля 2018 г.

THE THEME OF ENGLISH AND RUSSIAN COLONIALISM IN IVAN GONCHAROV’S *THE FRIGATE “PALLADA”*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 19–29.
DOI: 10.17223/15617793/434/3

Svetlana A. Kurilo, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: coureelosvetlana@gmail.com

Keywords: I. Goncharov; *The Frigate “Pallada”*; E. Said; colonialism; post-colonialism; Orientalism.

The colonial problems of Ivan Goncharov’s book *The Frigate “Pallada”* has been considered in the context of the modern theory of post-colonialism and Orientalism for the first time in the article. In addition, the Russian (Siberian) colonization has been particularly considered. The relevance of the article is determined by its reference to the modern theory of post-colonialism and orientalism as well as to the extremely insufficient study of the colonial problems in *The Frigate “Pallada”*. The article aims to analyze Goncharov’s attitude to colonialism in general and its English (European) and Russian (Siberian) variants in particular. The material for analysis has been the text of *The Frigate “Pallada”*, Goncharov’s letters about his journey, and theoretical insights into the theory of post-colonialism made by its founder E. Said and contemporary scholars of literary, historical, philosophical and cultural aspects of colonialism and Orientalism. The research methods of text analysis are a literary method and a cultural one according to the problems discussed in the article. The terms Occident and Orient as cultural concepts and the colonial problems associated with them are analyzed. Goncharov’s (simultaneously writer’s and civil officer’s) position and attitude to colonialism are considered in the article. The fundamental idea of Said’s theory is the creation of a certain image of the Orient in the Western academic and literary tradition. Gon-

charov also creates his own images of the Orient: the European colonial Orient and the Siberian Russian one and his personal representations of them. Goncharov compares the Russian and European variants of colonization in *The Frigate "Pallada"*. From his point of view, they are fundamentally different in their nature. Goncharov's European Orient seems to be largely negative, and the Siberian Russian one tends to be ideally positive. Goncharov describes the Russian colonialism in Siberia as unique and contrasts it with the English one (and European in general). The author correlates the position of the English colonialists and their behavior towards the natives of Africa and Asia and Russian colonialists' behavior in Siberia. Being an adherent of progress, the author notes the appearance of numerous civilization benefits in the English colonies: bridges, roads, cities, etc. Nevertheless, simultaneously being a great humanist, Goncharov can not help criticizing the exploitation of the native population by British colonialists, opium trade with the Chinese people for the sake of profit, and other negative manifestations of the English colonialism. However, observing Russian colonialists in Siberia, Goncharov emphasizes a much more humane, as it seems to him, treatment of the indigenous population: the Tungus, the Yakuts, and others. The author also highlights the ability of the Russian culture to coexist harmoniously and mix with the cultures of the colonized peoples.

REFERENCES

1. Piksanov, N.K. (1963) *Goncharov i kolonializm* [Goncharov and colonialism]. Materials of the anniversary Goncharov conference. Ulyanovsk: [s.n.]. pp. 23–53. (In Russian).
2. Mikhel'son, V.A. (1965) *Gumanizm I.A. Goncharova i kolonial'nyy vopros* [Humanism of I.A. Goncharov and the colonial question]. Krasnodar: [s.n.].
3. Postnov, O.G. (1988) Sibirskie glavy "Fregata "Pallada"": (K probleme polozhitel'nogo geroya v tvorchestve I.A. Goncharova) [Siberian chapters of the Frigate "Pallada": (On the problem of the positive hero in the works of I.A. Goncharov)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii.* 10(2). pp. 50–55.
4. Lim S.S. & Clark, R.D. (2009) Whose Orient is it?: Frigate Pallada and Ivan Goncharov's Voyage to the Far East. *The Slavic and East European Journal*. 53 (1). pp. 19–39.
5. Kagan, M.S. & Khiltukhina, E.G. (1994) *Problema "Zapad–Vostok" v kul'turologii: vzaimodeystvie khudozhestvennykh kul'tur* [The problem of "West–East" in cultural studies: the interaction of artistic cultures]. Moscow: Nauka, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura".
6. Said, E.V. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Translated from English. St. Petersburg: Russkiy mir.
7. Gachev, G.D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos* [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logo]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress"-"Kul'tura.
8. Dima, A. (1977) *Printsipy sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Principles of comparative literature criticism]. Moscow: Progress.
9. Said, E.V. (2012) *Kul'tura i imperialism* [Culture and imperialism]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Khalid, A. (2005) Rossiyskaya istoriya i spor ob orientalizme [Russian history and the debate over Orientalism]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Todorova, M. (2005) Est' li russkaya dusha u russkogo orientalizma? Dopolnenie k sporu Natanielya Nayta i Adiba Khalida [Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? Addition to the dispute between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
12. Dowler, W. (2001*) Classroom and Empire: The politics of Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Toronto: McGill-Queen University Press. pp. 27–28, 66–68.
13. Bassin, M. (2005) Rossiya mezhdu Evropoy i Aziey: Ideologicheskoy konstruirovanie geograficheskogo prostranstva [Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographic Space]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
14. Miller, A. (2003) Rossiyskaya imperiya, orientalizm i protsessy formirovaniya natsiy v Povolzh'e [Russian Empire, Orientalism and the formation of nations in the Volga Region]. *Ab Imperio*. 3. pp. 393–406.
15. Vert, P. (2005) "Ot "soprotivleniya" k "podryvnoy deyatel'nosti": vlast' imperii, protivostoyanie mestnogo naseleniya i ikh vzaimozavisimost' [From "resistance" to "subversion": the power of the empire, the opposition of the local population and their interdependence]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
16. Kivelson, V. (2012) *Kartografiya tsarstva: Zemlya i ee znachenie v Rossii v XVII v.* [Cartographies of Tsardom. The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Knight, N. (2005) O russkom orientalizme: Otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: A response to Adeeb Khalid]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
18. Kiselev, V.S. (2011) "Russkaya Avstraliya": marginalizatsiya kolonial'nykh okrain v knige A.P. Chekhova "Ostrov Sakhalin" [Russian Australia": the marginalization of the colonial margins in A.P. Chekhov's "Sakhalin Island"]. In: Novikova, E.G. (ed.) *Chekhov i vremya* [Chekhov and time]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Goncharov, I.A. (1997) Fregat "Pallada". Ocherki puteshestviya v dvukh tomakh [The Frigate "Pallada". Essays on travel in two volumes]. In: Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 tt.* [Complete Works and Letters]. Vols 2–3. St. Petersburg: Nauka.
20. Novikova, E.G. (2014) Obraz Sibiri v "ocherkakh puteshestviya" Goncharova "Fregat "Pallada"" [The image of Siberia in the travel essays of Goncharov The Frigate "Pallada"]. In: Novikova, E.G. (ed.) *Chekhov i vremya* [Chekhov and time]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Goncharov, I.A. (1986) Fregat "Pallada" [The Frigate "Pallada"]. Leningrad: Nauka.
22. Sapchenko, L.A. (1998) [The Frigate "Pallada" by I.A. Goncharov and materials of Karamzin's Vestnik Evropy]. *I.A. Goncharov* [Ivan Goncharov]. Proceedings of the International Conference on the 185th anniversary of the birth of I.A. Goncharov. Ul'yanovsk: Obl. tip. "Pechatnyy dvor". pp. 91–97. (In Russian).
23. Barret, T.M. (1995) Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus. *Slavic Review*. 54(3). pp. 593–595.
24. Clay, C.B. (1994) Ethnography and Mission: Imperial Russia and Muslim Turkic Peoples on the Caspian Frontier in the 1850s. *Turkish Studies Association Bulletin*. 18(2). p. 36.
25. Sanderlend, V. (2005) Russkie prevrashchayutsya v yakutov? "Obynorodchivanie" i problemy russkoy natsional'noy identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians transforming into Yakuts? "Foreignization" and problems of Russian national identity in northern Siberia, 1870–1914]. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. (eds) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
26. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: A Temp.

Received: 16 April 2018